

С печалью о человеке

Николай КЛИМОНТОВИЧ

Московские новости. - №30 (03.08 - 09.08.2007)

Театральный фестиваль в Вологде приблизил к пониманию простых истин.

Июль — отличное время для броска на Север. Впрочем, я бывал в Норильске, Воркуте, Апатитах и зимой, и еще неизвестно, что лучше: полярное сияние или солнце, шпярящее в два часа ночи. Но в эти июльские дни в Вологде проходил традиционный международный театральный фестиваль, который лет пятнадцать назад придумал замечательный театральный критик Александр Свободин, что и побудило меня отправиться в этот вояж именно сейчас.

Если смотреть из окна поезда, то Подмосковье, центральная область России, производит довольно безрадостное впечатление: бедные селения подступают к самому полотну, если лес, так удивительно загаженный, если переезд, то какой-то косой. Но по мере удаления к Ярославлю народу становится меньше и пейзаж за окном как бы опоминается и по переезде через Волгу становится на удивление милым. А ког-

да ты оказываешься в Вологде, это впечатление от собственной родины переходит в тихую благость, уж так все вокруг ладно и складно. Недаром поколения подсоветской интеллигенции, как некогда старообрядцы, паломничали не в Сочи, но именно сюда: на Кизи, в Карелию, в Архангельск, на Валаам. Деревянные церкви целы, монастыри живут своей жизнью, народ цел, можно собирать лапти и прялки; северные избы были размером с дворцы новых русских, леса и реки не загажены и не убиты, колхозов почти нет, и, казалось, советская власть сюда не дошла — на Питере остановилась...

Сцена из спектакля «Карамазовы и ад»

На Севере в этом июле выдалась редкая жара. Здешние жители не привыкли к температуре выше тридцати по Цельсию, поэтому, возможно, стали очень восприимчивы. Это была хорошая идея — проводить театральный фестиваль именно здесь, потому что редкое в этих краях солнце напоминает свет софитов. Спектакль Вологодского драматического

театра «Карамазовы и ад» в постановке режиссера Зураба Нанобашвили, которым открылся фестиваль, был назначен на позднее вечернее время. Однако темнота так и не наступила. От этого пьеса только выиграла. Эти странные северные сумерки в духе Достоевского только оттенили удивительные страсти, которыми живут актеры. Спектакль

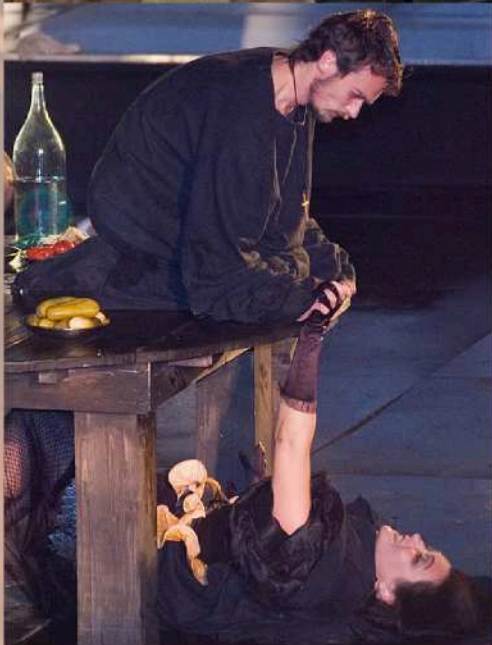

говорит о том, что те идеи, что раздирали сердца людей когда-то, живы сейчас. В спектакле нет женских ролей. Это лишь подчеркивает то, что играют актеры — мечту о женщине, не о Прекрасной Даме, но о женской чистоте и способности укрыть и утешить. И весь спектакль проникнут пронзительной печалью о человеке, его метаниях и страданиях, о его жажде возвращения Бога.

Это, конечно, не рецензия — лишь попытка поделиться впечатлениями о том, как истово и духовно живут люди в глубинке. Во всяком случае здесь, в Вологде, лица публики, буквально осадившей старый кремль, в глубине которого была устроена сценическая площадка, све-

тились в полумраке. Спектакль был оформлен как старинный вертеп, выполненный в виде обгоревшего трехэтажного дома: чем не образ России? Никто не ушел, даже когда стал накрапывать дождь. Оглядываясь на эти лица, понимаешь, насколько провинциальная жизнь оставляет больше времени сходить в университетскую библиотеку, помолиться в церкви и совершить духовный поступок.

Зреет подозрение, что семьи здесь крепче, книги читаются глубже, пьют меньше и зеленее сад за тем самым резным палисадом. Что ж, все русские писатели, определившие духовную жизнь народа, выросли в усадьбах и лет до десяти вообще не

видели железной дороги. Эта непосредственность бытия удивительным образом чувствуется в этом городе и на этом фестивале. Подобную атмосферу практически невозможно воспроизвести в условиях Москвы или Нью-Йорка, но жажда подышать таким воздухом сегодня очень сильна.

Трудно сказать, насколько спасительны многочисленные попытки в нашей культуре воспроизвести, преодолевая свое урбанизированное сознание, воспоминания о жизни в старинной усадьбе. Мы понимаем, что нам не вернуть вишневого сада. Тем более удивителен этот вологодский спектакль.

Достоевский еще ничего не знал о том, что вишневый сад будет вырублен, хотя из «Бесов» ясно, что его озаряли самые мрачные предчувствия. Но для него дворянский мир был незыблем. В его время никому бы не пришло в голову, что эти невероятные страсти русской жизни могут быть разменяны. Спектакль вологодского театра напоминает о простой вещи: богатство нации есть богатство ее духа, а не новых марок автомобилей. Замечательные вологодские актеры говорят нам со сцены, что именно дух вечен. А все, что материально, — тленно. Хоть это и звучит банально, но согласитесь — в наше время это смело сказано. Не случайно жюри во главе с Алексеем Бартошевичем отдало спектаклю приз за лучшую режиссуру.

Авторы хотели избежать излишнего пафоса. Впрочем, пафосом переполнен мир. Возникает подозрение, что пафос обратно пропорционален правде. Чем больше люди лгут друг другу, тем больше они прибегают к пафосным жестам. Так, по-видимо-

му, было и во времена Достоевского. Он своими романами пытался противостоять ложному пафосу, который так часто подменяет талант. Он стоял на эшафоте и узнал, что за открытое слово надо платить.

Казалось бы, страсти братьев Карамазовых так далеки от нас. Было удивительно, какое количество зрителей хотело увидеть этот спектакль. Столичному снобу это могло бы показаться странным, но на самом деле люди, живущие в провинции, имеют больше склонности к культуре. То же и в Архангельске, и в Вятке, по всему окоёму сегодняшней России. Города реально встали на ноги, губернаторы получили хоть какую-то свободу не только брать взятки, но и строить — в частности, культуру. Конечно, не надо недооценивать и известной затхлости провинциального мира, недаром молодежь рвется оттуда в Москву, но рвется она явно за другими ценностями.

